

Глава 1

Внушительного вида карета с гербом катилась по Шефтсбери-роуд, переваливаясь в колеях, совершенно окаменевших после ноябрьского морозца. Молодой человек сидел в ней развалиясь, скрестив ноги на противоположном сиденье. Его гладко выбритое загорелое лицо можно было смело назвать на редкость красивым, но он явно был чужд тщеславия и не гнался за модой: серебряный галун шел лишь по краю лацканов, единственными украшениями были перстень с сапфиром на безвольно свисавшей правой руке да жемчужная булавка, что скрепляла небрежно повязанный шейный платок. Темно-русые с рыжим оттенком волосы, от природы волнистые, были туго стянуты в косичку с двумя черными бантами — у шеи и ниже (дело рук престарелого камердинера, что сидел рядом, словно аршин проглотив, намертво вцепившись в шкатулку с драгоценными безделушками).

Карету в очередной раз тряхнуло, пассажиров подбросило. Лорд Синрик Маллорен вздохнул и мысленно поклялся на первой же остановке нанять верховую лошадь. Замкнутое пространство кареты чем дальше, тем больше действовало на нервы.

Какая досада, когда к тебе относятся как к калеке!

Ему едва удалось убедить не в меру заботливого брата, что он вполне способен снова путешествовать, но и тогда дело свелось к двухдневной поездке в Дорсет, к старшей сестре, что недавно обзавелась ребенком. И каким образом! В чудовищном экипаже, настоящем доме

на колесах. В довершение ко всему его снабдили меховой накидкой и корзиной горячих кирпичей, чтобы — упаси Бог! — не озябли ноги. Можно себе представить, что ждет по возвращении, — причитания и фланелевая ночная рубаха!

Громкий и резкий окрик снаружи отвлек Сина от унылых размышлений, и он не сразу сообразил, что означает мертвенная бледность на лице камердинера и чего ради тот шепчет молитвы.

Разбойники! Глаза Сина широко раскрылись, лицо утратило томное выражение. Он выпрямился, бросив оценивающий взгляд на шпагу, что лежала на противоположном сиденье, и решил, что это не тот случай: разбойники не фехтуют со своей жертвой. Куда полезнее пистолет, особенно двухствольный. Син извлек оружие из кобуры и убедился, что оба ствола заряжены. Он считал холодное оружие более эстетичным, однако признавал преимущество за огнестрельным.

Между тем карета остановилась так круто, что ее развернуло почти поперек дороги. Син осторожно выглянул. Короткий день поздней осени догорал, придорожные сосны бросали на дорогу быстро густеющую тень. Разбойников оказалось двое: один стоял под деревьями, в стороне, целясь из мушкета, второй был совсем рядом, вооруженный парой изящных дуэльных пистолетов с серебряной инкрустацией. Что это, часть ранее награбленного или им посчастливилось наткнуться на истинного джентльмена с большой дороги? Даже его лошадь — благородных кровей.

Син решил подождать с перестрелкой. Не хотелось ставить точку на приключении, развеявшем дорожную скуку... И потом, даже он, отличный стрелок, в сумерках мог промахнуться, по крайней мере по тому, с мушкетом.

На разбойниках были черные плащи и треуголки, нижнюю часть лиц скрывали белые платки. В случае удачного выхода из этой переделки их было бы нелегко описать властям, но Син, игрок (хотя почти никогда не играл на деньги), знал, что промах — всего лишь дело времени. Он решил: будь что будет.

— Спускайтесь! — приказал ближайший разбойник кучеру и груму.

4 Те не заставили себя упрашивать. Столь же послушно они улеглись лицом вниз на заиндеветшую землю. Вто-

рой разбойник приблизился, чтобы встать рядом на страже. Лошади нервно прыгнули, карету качнуло, и Джером, камердинер, испуганно вскрикнул. Син машинально ухватился за край сиденья, но, по его мнению, животные слишком устали, чтобы понести. Куда большую опасность представляли собой разбойники, и он не сводил глаз с ближайшего.

— Вы, там, внутри! — крикнул тот, нацелив pistols на дверь. — Выходите, и без глупостей!

Сину захотелось нажать на курок. Он легко всадил бы пулю прямехонько в правый глаз наглеца, но подавил порыв: это вполне могло стоить жизни кучеру или груму, не хотелось жертвовать верными людьми. Пришлось с сожалением отбросить пистолет к шпаге. Син спрыгнул с подножки, помог выбраться ревматiku Джерому. Потом достал инкрустированную табакерку, изящным жестом откинул кружевную манжету и взял щепотку нюхательного табаку. Только захлопнув крышку, он наконец соизволил поднять взгляд на разбойника.

— Чем могу быть полезен вам, сэр?

Заметно удивленный, тот не замедлил с ответом:

— Для начала поделитесь со мной.

Син сделал усилие, чтобы не выдать ответного удивления: голос разбойника совершенно переменялся, став молодым, высоким и хорошо поставленным — голосом человека образованного, возможно, даже знатного. Да ведь это совсем мальчишка! Сину сразу расхотелось видеть его в петле, наоборот, стало любопытно, что все это значит.

— Охотно, — сказал он, делая шаг вперед. — Надеюсь, вы найдете эту смесь терпимой.

Хотя он и не думал запорошить разбойнику глаза, тот явно был неглуп, потому что подал лошадь назад.

— Не приближайтесь! Верю на слово, что смесь терпима, и потому приму всю табакерку... а заодно и другие ценности.

— Извольте.

Син не без усилия отобрал у камердинера шкатулку с булавками, цепочками и тому подобной ерундой, добавил к этому табакерку и все деньги, что нашлись в карманах. С оттенком сожаления он снял перстень с сапфиром и вынул из платка булавку — они были дороги как память.

— Полагаю, добрый человек, вам все это нужнее, чем мне. Что дальше? Положить шкатулку на дорогу, чтобы вы могли забрать ее, когда мы отбудем?

Последовала тишина, полная нового удивления.

— Ну нет! — наконец сказал разбойник. — Вам придется лечь на дорогу рядом со слугами!

Син, приподняв бровь, сдул с рукава воображаемую пушинку.

— Как ни любезна ваша просьба, боюсь, я не могу ее исполнить. Не выношу пыли! — Он поднял на собеседника невозмутимый взгляд. — Теперь вы, конечно, меня пристрелите?

Разбойник взвел курок, однако выстрела не последовало.

— Шкатулку положите на сиденье кареты, — произнес недовольный голос из-под платка после долгой паузы. — И взбирайтесь-ка на козлы, мистер Фу-Ты-Ну-Ты! Поработаете разок кучером — это собьет с вас спесь.

— Сомневаюсь. И потом, краденую карету с гербом трудно пристроить.

— Да замолчите вы! Иначе придется заткнуть вам рот!

Разбойник быстро терял терпение, что, собственно, и требовалось.

— Шевелитесь! И пусть ваши люди не торопятся звать на помощь. Помните, вам — первая пуля!

— Отправляйтесь в Шефтсбери и ждите в «Короне», — велел Син остальным. — Если через пару дней от меня все еще не будет вестей, пишите в Эбби. Брат о вас позаботится. Хоскинз, — обратился он к кучеру, — если Джерому дорога будет не по силам, идите вперед и пошлите за ним наемный экипаж. — Он повернулся к разбойнику. — Можно одеться? Или мне предстоит невыносимо страдать от холода?

— Одевайтесь, — буркнул тот после короткого размышления, — но помните, я целюсь вам в голову.

Син надел плотную дорожную накидку с капюшоном, натянул лайковые перчатки, отметив, что вожжи изотрут тонкую кожу в первые же минуты. Поразмыслив, отказался от мысли прихватить пистолет — он не возражал поучаствовать в этом фарсе еще какое-то время. Защитившись от студеного ноябрьского воздуха, Син взобрался на козлы, взяв

6 в руки четыре пары вожжей.

— Добрый человек, я готов.

— Тогда — вперед! — Разбойник сердито сверкнул на него глазами. — И повторяю, без глупостей! — Поскольку ответа не было, он вплотную подъехал к карете и, сунув один пистолет за пояс, ткнул Сина в спину дулом другого. — Что бы вы ни замыслили, все равно ничего не выйдет. Вперед!

— Что я могу замысливать? — невинно осведомился Син, трогаясь с места. — У меня на уме одно: не слаб ли у вас курок? На дороге столько выбоин.

Он ощутил, что дуло перестало тыкаться в спину.

— Теперь вам спокойнее? — спросил разбойник, не скрывая пренебрежения.

— Благодарю, спокойнее. Могу я узнать место нашего назначения?

— Это вас не касается. Ваше дело — помалкивать и править, пока не прикажут остановиться.

Син умолк, понимая, что его таинственный спутник не только озадачен, но и раздосадован таким хладнокровием. Он вовсе не желал получить пулю в спину: ведь нет ничего опаснее, чем дразнить дурака. Этот простофиля в самом деле полагал, что держит все под контролем. Он даже позволил своему напарнику вырваться вперед. Однако Син и в самом деле был далек от намерения этим воспользоваться, наоборот — его настроение улучшалось. Он почти готов был обнять своего сердитого спутника за новое ощущение. Не так уж плохо, когда над тобой кудахнут, если ты ранен на поле боя, но как это неприятно, если ты сражен простой лихорадкой! Хуже всего, что никто не верит в его полное выздоровление и готовность вернуться в полк.

Отправляясь в дорогу, Син подумывал о том, чтобы повернуть в Лондон и там настоять на осмотре военного врача. Он не сделал этого, потому что знал: одно слово брата, маркиза Родгара, — и у него обнаружат тяжкие последствия перенесенного заболевания.

Ох уж это слово Родгара! Оно как невидимая всемогущая рука, как личная стража. Он прохлаждается в карете со всеми удобствами, под бдительным надзором, в то время как люди более достойные переносят болезнь на ногах или умирают в переполненных госпиталях Плимута. Именно

Родгар организовал его отправку из Галифакса прямо домой. Чтоб ему пропасть! Никто в здравом уме не смеет перечить Черному Маркизу, даже если тот ведет себя как курица-наседка, балуя и опекая братьев и сестер. А всему виной смерть родителей, после которой он, старший, взял их, пятерых, под крыло. Помогай Господи тому, кто осмелится хотя бы косо глянуть на них! Маркиз Родгар поставит на место любого, даже бога войны.

Сину в этом смысле повезло еще менее других, отчасти потому, что он был младшим в семье. Что бы он ни делал, как бы себя ни закалял, телосложение его оставалось обманчиво-хрупким. Таким его видели все, даже родные, прекрасно знавшие, как обстоят дела. Что делать, раз он один получил в наследство от матери тонкую кость и изящество, а также рыжину в волосах и зеленые с золотым отливом глаза и густейшие ресницы, из-за чего сестры (в особенности его двойняшка) не раз сетовали на несправедливость судьбы.

Син, подрастая, все больше разделял их мнение. В ранней юности он был уверен, что рано или поздно возмужает, но вот ему двадцать четыре, он ветеран многих сражений — и что же? По-прежнему красив, как девушка! В армии приходилось драться на дуэли чуть не с каждым офицером: с одними — чтобы доказать свою отвагу, с другими — чтобы пресечь домогательства.

— Поворот!

Короткая команда поставила точку на воспоминаниях, и Син бездумно натянул вожжи, поворачивая упряжку на дорогу поуже, прямо к заходящему солнцу.

— Надеюсь, поездка не слишком затянется, — заметил он, щурясь. — Близится ночь, а сейчас новолуние.

— Уже недолго.

К вечеру похолодало, от лошадиных спин поднимался парок. Сину все чаще приходилось шелкать кнутом, погоняя лошадей, но он успевал подмечать все занятное у своего спутника.

Разбойник сидел в седле нарочито небрежно, демонстрируя опыт верховой езды. Он даже откинулся слегка, и это был явный просчет, потому что плащ приоткрылся и явил взгляду бедра отнюдь не мужские. Син утвердился в мысли, что захвачен в плен юношей, возможно, подростком.

8 Пистолет, однако, оставался наготове, и это делало

молокососу честь. Возможно, подумал Син, он поторопился записать разбойника в дураки.

Он задумался над тем, что могло подвигнуть столь юное создание на подобную авантюру. Жажда острых ощущений? Карточные долги, в которых стыдно признаться папаше? В любом случае разбойник не казался опасным, а интуиция никогда не подводила Сина — ведь он был в армии с восемнадцати лет.

Надо сказать, его решение пойти в армию вызвало в семье настоящую бурю. Старший брат наотрез отказался купить ему офицерский чин; пришлось сбежать из дому и тайно записаться в первый попавшийся полк. Родгар, конечно, явился за ним, насильно притащил домой, и речь пошла уже о том, кто кого переупрямит. В конце концов маркиз сдался и лично записал его в лучший полк. С тех пор было перевидано и пережито многое, но ни разу Син не пожалел о своем выборе. Он был из тех, кто не выносит однообразия, но не из тех, кто ищет выхода своим страстям в пустых светских шалостях.

Такой ход мысли заставил Сина вспомнить о разбойнике, и он рассудил, что тому — прямая дорога в армию: там ему будет предоставлен иной, более дельный шанс отличиться. Еще раз искоса оглядев его, он едва удержался от смешка. В развилке бедер разбойника не было ни намека на выпуклость. Женщина! Столь многообещающий поворот событий заставил Сина засвистеть веселый мотивчик.

— Заткнитесь, черт вас возьми!

Натягивая вожжи, Син задумался над этим резким, грубым тоном, а заодно и над аккуратной треуголкой разбойника, под которой никак не могли скрываться длинные волосы. Неужели он ошибся? Но, опустив взгляд к седлу, Син уверился в правильности своих подозрений. На всаднике были сильно облегающие бриджи. Там, где сходились штанины, не было заметно того, что неотъемлемо принадлежит мужскому полу, а если учесть отмеченную ранее стройность бедер, округлость икр под белым чулком и небольшой размер ноги, это без сомнения была женщина.

— Далеко еще? — Син слегка ожег коренника кнутом, чтобы не спал на ходу. — Дорога совсем никудаш-ная.

— Держите к домику, что впереди. Прямо в сад, и там остановитесь. Хорошее укрытие, и лошадям найдется что пощипать.

Син с сомнением оглядел распахнутые, покосившиеся ворота, между которыми виднелась глубокая рытвина. Оставалось надеяться, что лошади справятся. Впрочем, куда интереснее было размышлять над тем, что ждет впереди.

Переменяя щелчки кнутом и уговоры, он заставил лошадей пересечь рытвину. Когда карета нырнула туда, он едва удержался на козлах. Ось затрещала, но выдержала. Тяжело поводя взмыленными боками, лошади остановились под деревьями. Син с победным видом опустил вожжи, задаваясь вопросом, понимает ли девица, какую он проделал работу. Так или иначе, юношеское увлечение в конце концов пригодились.

— Неплохо, — бросила разбойница.

Как особа женского пола, она не слишком будила воображение. Над белым платком виднелись только мрачные серые глаза, и невольно думалось, что губы под ним сжаты в тонкую злую линию.

— Ни к чему так тарашиться!

— Я пытаюсь угадать ваши приметы, чтобы потом подробно описать их властям.

— Болван! — Дуло уставилось прямо в лицо. — Кто сказал, что я отпущу вас подобру-поздорову?

— Не каждый способен застрелить человека без причины.

— Причина имеется: спасти свою шкуру!

— О! — Син улыбнулся. — В таком случае даю слово, что не приложу руку к вашей поимке.

— Да кто вы, черт возьми, такой?! — вскричала разбойница, опуская пистолет.

— Син Маллорен. А кто, черт возьми, вы?

Она настолько не ожидала встречного вопроса, что едва не проболталась, но вовремя прикусила язык.

— Зовите меня Чарлзом. Ну и имечко у вас! Это значит «грех», что ли?

— Нет, это сокращенное от Синрик. В честь одного из королей.

— Маллорен... Маллорен... Родгар Маллорен! — Она

10 окаменела.

— Мой старший брат, — невозмутимо сообщил Син. — Надеюсь, вы не в претензии?

Ему пришло в голову, что разбойница сильно сожалеет, что не дала ему спокойно проехать мимо: Родгар не прощал посягательств на безопасность своих близких. Однако она быстро оправилась.

— Мои претензии к вам, милорд, будут зависеть исключительно от ваших собственных поступков. Займитесь упряжкой.

— Будет исполнено! — Син отвесил насмешливый поклон.

Спустившись с козел, он сбросил накидку и узкий сюртук, запахнул кружевные манжеты под рукав и принялся за дело. Поскольку солнце уже опустилось за горизонт, быстро смеркалось и холод пробирал до костей, несмотря ни на что. Обтереть целую упряжку — задача долгая, а девица и не подумала помочь, просто уселась рядом с пистолетом наготове.

— Вернись в дом, Верити, — вдруг сказала она, глянув за спину Сину. — Я справлюсь сама.

Тот не преминул покоситься через плечо и увидел мелькнувшее светлое платье. Имя Верити (истина) тоже было женским. Третья разбойница? Он задался вопросом: как женщины бесспорно благородного происхождения оказались в захудалом домишке, почему занимались подобным ремеслом и, если уж на то пошло, на что им сдалась его карета?

Обтерев лошадей пучками сухой травы и укрыв вместо попона одеялами, предназначенными для него самого, Син повернулся к разбойнице.

— Их бы не помешало напоить.

— На задворках сада есть ручей, они сами прекрасно до него доберутся. Идемте в дом. Не забудьте то, что теперь принадлежит мне.

Син подхватил с земли свои вещи и, не потрудившись одеться, поднялся в карету за шкатулкой. Там он с минуту разглядывал пистолет, взвешивая свои шансы. Получалось, что пристрелить дерзкую атаманшу проще простого. Но стоит ли? Это поставит крест на интересной истории. Син оставил пистолет на сиденье, не вполне уверенный, что позже не пожалеет об этом.

Полчаса спустя он и в самом деле жалел, и еще как, потому что лежал на массивной кровати, за руки и за ноги привязанный к четырем толстым угловым стоякам.

— Когда освобожусь, я выбью дурь из вас троих! — сказал он, гневно сверкнув глазами.

— Потому вы и связаны, — ответила атаманша, все еще притворяясь мужчиной.

— Я же дал слово, что не причиню вам неприятностей!

— Ничего подобного. Вы пообещали не выдавать нас властям, но есть еще сотня способов причинить неприятности мне, моей сестре или няньке.

Сразу остыв, Син задумчиво оглядел загадочного «Чарлза». В доме разбойница сразу избавилась от плаща, треуголки, платка и паричка. Ее можно было понять: Син и сам терпеть не мог искусственных волос на голове. Однако и без своего маскарада атаманша могла бы вполне сойти за молодого человека: коричневый бархатный жакет не облегал никаких женственных выпуклостей, и если под ним все же была грудь, кружева рубашки с успехом ее скрывали. Голова была не то чтобы бритой, но прическа до того коротка, что темные волосы едва кудрявились. Для женщины это был на редкость странный стиль, который, как ни странно, был молодой разбойнице к лицу — возможно, потому, что черты ее не отличались мягкостью. Иными словами, из нее вышел бы симпатичный парень.

Юная гладкая кожа заставляла предположить, что ей не больше шестнадцати, хотя на деле она могла быть и двадцатилетней с этим своим низким голосом и плотно сжатыми губами. Им больше пошло бы приоткрыться в улыбке, но она продолжала злиться, один Бог знает почему.

Остальные разбойницы тоже были по-своему интересны.

Верити (предположительно та самая сестра) выглядела совсем иначе. Волосы у нее были густые, длинные и вьющиеся, цвета темного меда, рот имел безошибочно женственные, нежные очертания. В отличие от «Чарлза» Бог не обделил ее и фигурой. Если атаманша стягивала грудь для вящего сходства с мужчиной, с Верити этот номер не прошел бы: даже железные плашки не расплющили бы ее грудь настолько,

чтобы втиснуть в узкий мужской костюм. Впрочем, она и не пыталась, предпочтя платье с низким выре-

зом, выставившим на обозрение немалую часть ее женских прелестей. При этом ее наряд подошел бы скорее камеристке богатой дамы, чем самой даме. Верити являла собой воплощенную женственность как внешне, так и характером, не в пример более добросердечным, чем у сестры. Син отметил это, когда она сказала, нервно сплетая пальцы:

— Мы не можем держать его связанным до бесконечности!

— Разумеется, нет. Он побудет в таком виде, пока мы поужинаем и соберемся в дорогу.

— Но ле... Чарлз! — воскликнула встревоженная нянька. — Ты не можешь уехать... это не разрешено!

Старушка, хрупкая и согбенная, с короной белых, как снег, волос и в толстых очках, была причиной теперешнего плачевного положения Сина. Когда он отказался лечь на кровать и вытянуть конечности к стоякам, она сама подошла с веревкой. Из опасения переломать ее птичьи косточки он позволил себя привязать.

И вот она обмолвилась и почти назвала атаманшу «леди такая-то». Значит, все-таки леди. Разбойницы с голубой кровью, одна из которых переодета мужчиной, другая — камеристкой.

— Меня не волнует, разрешено это или нет! — отрезала «леди Чарлз». — До сих пор у меня были причины оставаться здесь, теперь нужно оказаться отсюда подальше. Когда-нибудь я вернусь... что еще мне остается?

— Ты можешь жить со мной и Натанием, — сказала Верити.

— Возможно, — медленно произнесла ее сестра, и черты ее слегка смягчились. — Вот только, дорогая моя, Натаниелю хватит забот с тобой и Уильямом. — Сверху донесся звук, похожий на плач. — Кстати, об Уильяме! Вот ведь ненасытный бесенок!

Верити поспешила вверх по узкой лестнице, а Сину потребовалось несколько минут, чтобы переварить новый факт: сестра «леди Чарлз» еще и молодая мать. Это объясняло роскошные, несколько даже избыточные округлости ее фигуры. Любопытство окончательно пересилило дискомфорт и раздражение; Син нашел, что эту историю можно

поведать друзьям-офицерам. На зимних квартирах нет ничего лучше, чем пикантные рассказы у камелька!

Старушка тем временем удалилась на кухню — второе и последнее помещение первого этажа. Судя по всему, сестры жили этажом выше, а он находился в комнате няньки, которая одновременно служила гостиной и, если учесть груды узлов, сундучков и ящичков, кладовой.

Так почему же они все-таки здесь, в этой халупе, и почему «леди Чарлз» не имеет права ее покинуть?

Атаманша принялась рыться в сундуке, намеренно игнорируя Сина.

— А меня тоже накормят? — спросил он.

— Со временем.

— Как вы намерены со мной поступить?

Она выпрямилась, приблизилась к кровати, поставила ногу на раму и оперлась локтем о колено — поза триумфатора. Чувствовалось, что ей нравилась его беспомощность.

— Возможно, мы оставим вас здесь, связанным...

— Почему? — осведомился он, заглянув в сердитые серые глаза.

— А почему бы и нет?

— Потому что я не сделал вам ничего плохого. Более того, я дал своим людям указание не поднимать шума.

— Интересно почему?

Внезапно Сину пришло в голову, что она не столько злится, сколько встревожена. Возможно, она даже боялась его, и как раз потому он был связан. Это было ново: женщинам не свойственно опасаться мужчин с хрупким телосложением. Во всяком случае, ему еще не приходилось с этим сталкиваться.

— Думаю, вы по натуре не жестоки, — начал он, тщательно подбирая слова, — и не собираетесь причинять мне вреда. Это правильно, потому что у меня нет оснований желать вам зла. Наоборот, я готов вам помочь.

Разбойница убрала ногу и даже сделала шаг назад.

— С чего бы это?!

— Полагаю, ваши действия так или иначе оправданны, а я... авантюры мне по душе.

— Вы душевнобольной? — едко спросила она. — Тогда вам место в Бедламе.

— Не думаю. Там, должно быть, слишком однообразно.

— В однообразии есть своя прелесть, вы уж мне поверьте.

— Значит, я ее еще не обнаружил.

— Считайте, что вам повезло.

Очевидно, она была в затруднительной ситуации, быть может, даже в беде. Поначалу Син не мог избавиться от ощущения, что все это светская прихоть, причуда скучающей барышни, однако в этом случае «леди Чарлз» едва ли держалась бы так угрюмо.

— Вы в опасности?

Она промолчала.

— Тем больше оснований довериться мне и принять помощь.

— Я не доверяю... — начала «леди Чарлз» резко, запнулась и закончила тише, — людям.

Нетрудно было предположить, что она собиралась сказать «мужчинам».

— Мне доверять можно.

Она невесело рассмеялась. Син подождал, пока их взгляды встретятся.

— В карете остался заряженный двуствольный пистолет. Сперва я не воспользовался им, потому что ваша сестра целилась в моих людей, но потом — просто потому, что не пожелал. Поверьте, я превосходный стрелок и мог бы с одинаковой легкостью убить, ранить или искалечить вас.

С минуту разбойница молча смотрела на него, потом повернулась и вышла — судя по стуку входной двери, отправилась убедиться в правоте его слов. Чуть позже бочком вошла старая нянька с «носатой» кружкой, из которых в больницах пьют тяжелобольных.

— Это подкрепит ваши силы, милорд, — сказала она и поднесла носик кружки ко рту Сина.

Там оказался чай, неожиданно крепкий и сладкий (напиток не из его любимых, но и, правда, весьма подкрепляющий). Закончив, старушка отерла губы Сина белоснежной льняной салфеткой.